

Едва эти слова сорвались с губ, Цзян Чу сам опешил.

То ли дело было в том сумбурном сне, что приснился ему днем, то ли он и впрямь последние пару дней подсознательно примерял к Цинь Цзую... его возможные предпочтения.

Стоило услышать обрывком брошенное «неважно, такой я или нет», как мозг сам собой подставил логическое продолжение. И от этого продолжения Цзян Чу стало не по себе — слишком уж нереальным оно казалось.

Но одно дело — крутить мысли в голове, и совсем другое — брякнуть вслух. Цзян Чу и сам не понял, как язык опередил разум. Вышло так, словно он намеренно шпионил за чужим разговором... Ладно, доля правды в этом была, но выдавать себя с ходу, так глупо и прямо в лоб — верх бестактности. У него что, язык напрямую к выключателю в башке привязан?

Цзян Чу замялся, лихорадочно соображая, как бы сгладить неловкость и перевести всё в шутку, но под пристальным взглядом Цинь Цзуй так и не выдавил ни слова.

Ему хотелось услышать ответ.

И одновременно с этим глупым любопытством росло странное, трусливое желание сдать назад — он искренне боялся, что Цинь Цзуй подтвердит его худшие догадки.

Для Цинь Цзуй этот вопрос стал полной неожиданностью. Собственно, у него еще в дверях сердце пропустило удар, едва он понял, что Цзян Чу не спит.

Сверчки за окном, словно сговорившись, притихли. В повисшей тишине их взгляды встретились, но уже через секунду Цинь Цзуй опустил ресницы и отвел глаза.

В руках он всё еще держал мокрую футболку, которую наспех сполоснул после душа. Расправив её, он повесил ткань на спинку стула и, проигнорировав вопрос, глухо произнес:

— Парни еще выпивают во дворе. Брат Бэнь просил позвать тебя, как проснешься.

Вот теперь Цзян Чу по-настоящему нахмурился. Если секунду назад он еще сомневался, стоит ли лезть парню в душу, то глухая оборона Цинь Цзуй мгновенно разожгла в нем упрямое желание докопаться до истины.

Но стоило ему приоткрыть рот, как снаружи донеслось громкое шлепанье шагов. В проеме показалась взъерошенная голова Ду Мяомя. Тот весело замахал Цинь Цзую:

— Эй! Пошли! Хозяин говорит, там на склоне куча светляков, можно поймать!

Цзян Чу и Цинь Цзуй одновременно повернулись на звук.

— Дядя Цзян! — уставился на него Мяомяо.

Цзян Чу лишь тяжело вздохнул. Из-за этого оболтуса разговор зашел в тупик. Неохотно кивнув ему, он подумал, что этот мелкий устраивает дежавю — точь-в-точь как днем.

— Ой, ты уже помылся, — протянул Ду Мяомяо. Днем он знатно выспался, потом до самого вечера носился по горам, а плотный ужин из жареной баранины окончательно вернул ему силы. Сейчас в нем проснулся типичный полуночник, жаждущий приключений. Он собирался утащить Цинь Цзуй с собой, но, заметив исходящую от того свежесть и влажные после душа волосы, замахал руками: — Ну тогда ладно. А то еще комары сожрут живьем.

Цзян Чу тоже был уверен, что Цинь Цзуй откажется. Он уже предвкушал, как спроводит племянника Лао Ду и наконец выведет малого на чистую воду.

Но не тут-то было. Цинь Цзуй глухо уткнул, выудил из сумки чистую рубашку, накинул её на плечи и, даже не взглянув на Цзян Чу, зашагал к выходу вслед за Мяомяо.

— Погнали, погнали! — обрадовался Ду Мяомяо. Дома его жестко контролировал дядя, поэтому сейчас он опасливо косился на Цзян Чу, боясь, что тот наложит вето на их прогулку. Он потянул Цинь Цзуй за рукав к выходу и, заботливо прикрыв за собой дверь, крикнул на ходу: — Мы быстро! Поймаем парочку и назад!

Оставшись в одиночестве, Цзян Чу еще какое-то время тупо пялился на закрытую дверь. Затем поднялся, подошел к столу, раздраженно щелкнул зажигалкой и затянулся сигаретой.

То, как упорно Цинь Цзуй увиливал от разговора, лишь подтверждало его подозрения.

Сбежал, только бы не отвечать на прямые вопросы.

Тоже мне, дикарь городской, словно никогда в деревне не бывал! Стоило этому мелкому дурачку пискнуть про светляков, как он тут же подорвался и уши свинтил!

Цзян Чу почувствовал, как внутри закипает глухое раздражение. Зажав сигарету в зубах, он повалился спиной на кровать, раскинув руки. Под потолком, остервенело биваясь о раскаленную лампочку, кружила какая-то шальная мошка, невеста когда пробравшаяся в комнату.

Прямо как его собственные мысли, которые упрямо крутились вокруг одного и того же: «Цинь Цзуй по парням. Цинь Цзуй — гей».

«Неважно, такой я или нет... Неважно, такой я...»

Он снова и снова прокручивал в голове эту фразу. Пазл из мелких странностей последних дней наконец сложился. А бегство Цинь Цзуя лишь поставило жирную точку. «Такой» или «не такой»... Любит мужчин или нет... Очевидно же, к какому выводу вела эта недосказанность.

Цзян Чу раздраженно понаблюдав за бьющимся о плафон насекомым, а потом рывком сел, сунул в карман телефон и решил пойти проветриться. Самое время было присоединиться к Да Бэню и парням.

Голова пухла от мыслей, хоть в отцы этому мелкому набивайся. За какие-то полчаса его фантазия улетела так далеко, что он уже вовсю рисовал картины: а что, если Цинь Цзуй сойдется с этим Ду Мяомяо? Как они тогда будут его звать? Мяомяо за компанию с Цинь Цзуем начнет величать его братом, или Цинь Цзуй вслед за Мяомяо будет кликать его «дядей Цзяном»?

С ума сойти можно, все родственные связи к чертям полетят, твою мать!

К тому моменту, как он спустился во двор, компания уже успела общими усилиями укатать Хуа Цзы.

В их компании существовала негласная алкогольная иерархия. Цзян Чу занимал в ней самое почетное место с конца: если не мешать с крепким, пива он мог одолеть пару-тройку бутылок, но стоило налить водки — и после первой же рюмки его можно было выносить. Чуть выше стоял Хуа Цзы — тот держался крепче, но после чекушки тоже сдавался. Ну а абсолютным чемпионом и грозой застолий по праву считался Лао Ду.

Заметив, что Цзян Чу наконец-то выполз из анабиоза, мужики тут же усадили его за стол, пододвинули поднос с остывающей бараниной и принялись наперебой наливать.

После долгого сна Цзян Чу чувствовал себя разбитым, да и хмель от дневных посиделок еще не до конца выветрился. Пить не хотелось, но навязчивые думы о недомолвках Цинь Цзуя так отравляли настроение, что он без лишних уговоров сам потянулся к открывашке.

Мясо шло под пиво отлично. Мужики лениво травили байки, вспоминали былое и никуда не торопились. Было приятно просто сидеть, чувствовать, как по телу разливается мягкое тепло, и знать, что завтра не нужно никуда спешить.

Разумеется, одним пивом отделаться ему никто не дал. Брат Бэнь заговорщически подмигнул Лао Ду, и перед Цзян Чу мгновенно выросла стопка водки.

Лао Ду, в отличие от говорливого Брата Бэня, к чужим слабостям относился с пониманием. Он молча разлил остатки из бутылки по рюмкам, прикурил сигарету и поднялся из-за стола — мол, пойду проверю, улегся ли этот оболтус Мяомяо.

Цзян Чу только хотел съязвить, что этот чертенька сейчас носится по горам с Цинь Цзуюм, как из темноты, яростно чешась и извиваясь всем телом, вынырнул сам виновник торжества. Шея и руки парня были сплошь усыпаны вздувшимися волдырями.

— Ну и где твои светляки? — спросил Цзян Чу, уловив исходивший от парня слабый запах табачного дыма, когда тот проходил мимо.

— Да нет там никого, хозяин набрехал, — обиженно буркнул Мяомяо, хватая со стола банку с газировкой и жадно припадая к ней.

«Если светляков не нашли, чего вы там так долго топтались?» — подумал Цзян Чу, но вслух спросил другое:

— А Цинь Цзуй где?

— Спать пошел. Да и я, пожалуй, двину, — Мяомяо, вылитый маменькин сынок, потряс недопитой банкой и бесцеремонно всучил её дяде. Продолжая остервенело наглаживать искусанную голень, он жалобно заныл: — Дядь, у тебя есть чем помазать? Чешется — помираю.

Лао Ду привычным жестом выудил из кармана крошечный флакончик бальзама «Звездочка» и протянул племяннику.

Цзян Чу посидел с мужиками еще немного, цедя обжигающие остатки водки на донышке стопки. Часы показывали половину третьего ночи. Мысли о Цинь Цзую не давали покоя, так что играть в карты со всеми он не стал. Сходив в туалет, он прихватил у хозяев фумигатор и вернулся в комнату.

В комнате царил полумрак. Цинь Цзуй лежал на краю кровати, отвернувшись, и, судя по ровному дыханию, уже спал.

Стараясь не шуметь, Цзян Чу воткнул прибор в розетку. На спинке стула висела та самая рубашка, в которой Цинь Цзуй уходил на склон. Цзян Чу машинально потянул к себе воротник и принюхался. Пахло табаком.

— И что мы там вынюхиваем? — внезапно раздался в темноте негромкий голос Цинь Цзую.

— Так ты не спишь, — Цзян Чу отпустил ткань, позволив рубашке соскользнуть обратно на стул.

— Слишком громко топаешь, — бросил Цинь Цзуй и демонстративно повернулся на другой бок, лицом к стене. Всем своим видом он показывал, что возобновлять давешний разговор не намерен.

На душе у Цзян Чу кошки скребли, но донимать расспросами прямо сейчас он не собирался — боялся, что парень снова сорвется «светляков ловить».

Наспех стянув пропахшую шашлычным дымом футболку, он легонько ткнул Цинь Цзую ногой пониже спины:

— Двигайся давай.

Цинь Цзуй нехотя подогнул ногу, приподнялся и пересел ближе к краю, уступая место у стены.

— Мыться не будешь? — спросил Цинь Цзуй, когда Цзян Чу перелезал через него.

— Голова трещит, ну его, — выдохнул тот. Кровать была узковата для двоих взрослых мужиков. Цзян Чу протиснулся к стене, неловко извернулся и натянул на себя легкое одеяло.

Цинь Цзуй промолчал. Нащупав пульт, он убавил температуру на кондиционере и отодвинулся к самому краю матраса, стараясь лишний раз не соприкоснуться с Цзян Чу телами.

Алкогольный коктейль приятно туманил разум, но из-за долгого дневного сна сонливости не было ни в одном глазу. Цзян Чу лежал с закрытыми глазами, а в голове роились бессвязные мысли.

Похоже, Цинь Цзуй тоже мучился бессонницей. Его дыхание было ровным, но слишком уж поверхностным и тихим — спящие люди дышат глубже.

— Цинь Цзуй? — негромко позвал Цзян Чу. Ему вдруг отчаянно захотелось поговорить. Не обязательно про его ориентацию, вообще о чем угодно. — Спишь? — он приподнялся на локте и заглянул парню за плечо.

Вспомнив искусанного Мяомяо, он слегка приподнял одеяло и окинул взглядом обнаженные плечи и руки Цинь Цзую:

— А тебя комары почему-то не тронули. Видимо, вся кровь тому мелкому досталась.

Цинь Цзуй действительно не спал. Но он упорно притворялся бревном, не желая поворачиваться.

Всем телом он ощущал жар, исходящий от груди Цзян Чу. Даже ледяной воздух из кондиционера не спасал от этого душного тепла, рожденного выпитым алкоголем.

Случайные, почти невесомые касания, горячее дыхание Цзян Чу, щекочущее затылок и шею, его хрипловатый, сонный от алкоголя голос — всё это пробуждало в Цинь Цзюе глухое, липкое раздражение.

Он уже знал по опыту, что выпивший Цзян Чу превращается в несносного болтуна. Но сейчас Цинь Цзюя мучило другое. Сначала он был уверен, что Цзян Чу прекрасно расслышал его разговор с Лян Сяоцзя. Но судя по тому, как непринужденно тот вел себя сейчас, он либо ничего не понял, либо вообще пропустил всё мимо ушей.

Иначе с какой стати он посреди ночи улегся бы в одну постель с парнем, которого подозревает в гомосексуализме? Да еще и возится под боком, испытывая его терпение.

Цинь Цзуй и сам не понимал, с чего вдруг его начало так тянуть к Цзян Чу — точнее, к его телу. Но против природы не попрешь. И это злило его сильнее всего.

Он пытался рассуждать здраво: будь на месте Цзян Чу любой другой симпатичный ему парень с такой же фигурой и лицом, он бы наверняка реагировал точно так же. Обычная физиология.

Вот только этим «любим другим» был именно Цзян Чу. И от этого вполне естественное влечение мешалось с удушающим, липким чувством вины.

Поняв, что партизан на соседней половине подушки раскалываться не собирается, Цзян Чу без зазрения совести пихнул его пяткой.

— Пить хочу, мелкий. Принеси воды, а? — развалившись, затребовал он.

Цинь Цзуй шумно выдохнул, рывком сбросил одеяло и поднялся. Молча достав из сумки бутылку минералки, он протянул её Цзян Чу.

Тот сделал несколько жадных глотков. Прохладная влага мгновенно утихомирила пожар в желудке. Цзян Чу с облегчением откинулся на подушку, его сознание плавно уплыло в темноту, и он окончательно провалился в сон.

Этот сумбурный, тяжелый сон сморил его часа в три ночи и отпустил только к двум часам следующего дня. Цзян Чу разбудил резкий шорох — Цинь Цзуй соскочил с кровати и торопливо скрылся в ванной.

— Эй... Ты чего? — Цзян Чу сонный и взъерошенный сел на постели, уставившись на Цинь Цзюя. Тот пулей вылетел из ванной и теперь с хмурым видом спешно запихивал свои вещи в рюкзак.

— Мне нужно срочно уехать, — бросил Цинь Цзуй через плечо, натягивая футболку. Под тонкой тканью перекатились рельефные мышцы спины. — Мои шмотки пусть пока побудут у тебя, заберешь, когда будешь возвращаться.

— Да что стряслось-то? — Цзян Чу никак не мог протрезветь спросонья. — Куда ты подорвался среди бела дня?

— Ко мне друг приехал, — лаконично пояснил Цинь Цзуй.

В голове Цзян Чу мгновенно всплыло вчерашнее имя:

— Лян Сяоцзя?

Цинь Цзуй сверился с экраном мобильного и глухо подтвердил:

— Да.

<http://bllate.org/book/18398/1787603>